

Copyright © 2017 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 29, Is. 1, pp. 67–74, 2017
DOI 10.22162/2075-7794-2017-29-1-67-74
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 39(398.21)

The Artistic World of Kalmyk Household Fairy Tales

Irina S. Nadbitova¹

¹ Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: nad-irina@mail.ru.

Abstract

The fairy tale genre constitutes quite a fruitful part of Kalmyk folklore. Along with the epic, myths, legends and proverbs, fairy tales are integral to the centuries-old spiritual culture. And household fairy tales are especially significant to the Kalmyk fairy tale repertory.

Despite the fact that — as is evident from historiography of Kalmyk fairy tale studies — corresponding texts have been recorded and collected since long ago, the internal genre diversity of Kalmyk folklore still remains understudied. Household fairy tales have not yet been subject to special folklore studies though it is widely recognized that those are compositions of high artistic merit. Their well-defined specificity manifests itself in peculiar plots, the system of images and characters, definite artistic pictorial means.

The article studies the artistic world of Kalmyk household fairy tales which is usually based on alogism and expressed by certain pictorial means to reveal the typical identifications of characters and ideological content of the fairy tales.

The theoretical and methodological foundation for the paper is constituted by works of Russian scholars, such as V. Gatsak, L. Barag, E. Pomerantseva, V. Anikin, V. Propp, Yu. Yudin and others.

The introductory part contains brief historiographic data on how the fairy tales have been collected, published and studied. The body of the article — with reference to classification schemes of the Russian scholars — divides Kalmyk household fairy tales into certain plot and thematic groups and examines most complete variants of plots from the categories.

The considered materials are characterized by brevity of narration and evident social orientation as well as a comic and ironical style resulting from the whole content, themes and satirical means applied.

Dialogue — i. e. short, felicitous and witty remarks of the characters in response to their opponents' answers — is the main form of speech within the structure of household fairy tales. Qualities of a dialogue largely depend upon the talent of a tale-teller, his or her acting abilities and proficiency in expressing satirical components within amusing story lines of the fairy tales.

The traditional adherence to 'formulas' inherent to, e. g., magic fairy tales is not usually the case of household ones (except for some initial and median formulas); constant median formulas and triplings are episodic.

Artistic means of satirical denunciation are diverse enough: irony, contrast, exaggeration, antithesis. Laughter serves a special means to express the main idea, it conveys the specificity of household tales

based on description of unusual situations and events. When it comes to the portrayal of characters, contrast and exaggeration are usually applied; otherwise some feature of the main character is depicted in detail.

The investigated fairy tales contain elements of magic tales, anecdotes, legends; those also reflect the national history, with special attention paid to ethno-local peculiarities of economy and different ways of life.

The artistic specificity of Kalmyk household fairy tales helps conceive the folk talent and wisdom, beauty and accuracy of the language, contributes to further understanding the aesthetic and spiritual wealth of the nation.

Keywords: Kalmyks, household fairy tales, plot, fairy tale tradition, laughter, alogism, composition, artistic world.

Устное народное творчество занимает особое место в духовной жизни народа. Изучение разновидностей сказок имеет важное значение в фольклористике, так как способствует пониманию жанра сказки в целом. В калмыцкой сказочной прозе наряду с богатырскими, волшебными повествованиями и очень древними сказками о животных имеются бытовые сказки, которые по своему содержанию, сюжетному составу и идейной направленности многообразны. Они широко распространены в устной народной прозе, так как по своему тематическому наполнению наиболее близки к реальной действительности и бытовым особенностям.

В калмыцкой фольклористике рассмотрены определенные вопросы сказочного жанра, однако проблема изучения бытовых сказок остается актуальной, имеются научные статьи М. Э. Джимгирова [1970], Т. Г. Басанговой [2016], Е. Д. Мучкиной [1970], И. С. Надбитовой [2016].

В своей работе мы опирались на труды отечественных и зарубежных фольклористов, таких как В. П. Аникин, Л. Г. Бараг, Э. В. Померанцева, В. Я. Пропп, Ю. И. Юдин, в работах которых обозначены характерные черты бытовой сказки, определены социально-исторические основы их возникновения, рассмотрены вопросы идейного содержания, типологии сюжетов, особенности композиции и художественно-изобразительных средств.

Источниковедческой базой исследования являются сказки, опубликованные в различных изданиях разных лет.

Бытовые сказки по сравнению с волшебными и сказками о животных являются более поздними по происхождению. Они имеют отчетливо выраженную идейно-художественную особенность, проявляющуюся в сюжетной линии, системе образов и в своеобразии композиции.

Самобытное сказочное богатство калмыков издавна привлекало внимание многих отечественных и зарубежных ученых, путешественников, этнографов. Так, в середине XVIII в. в Калмыцкой степи проводились научные экспедиции Императорской Академии наук и позже, в 1795 г., адъюнктом И. И. Лепехиным было опубликовано несколько калмыцких легенд и сказок [Лепехин 1795].

В 1804 г. в Риге была издана книга Б. Бергманна, в которую вошли 13 сказок из сборника «Сиддиту күр» («Волшебный мертвец»), сказка «Аю-чикте», одна из эпических песен «Джангара» [Bergmann 1805].

В 1864 г. проф. К. Ф. Голстунский литографическим способом издал 2 песни из эпоса «Джангар», тексты 13-ти сказок на старокалмыцком языке под названием «Убаши-хун-тайджиин тууджи, народная калмыцкая поэма Джангар и Сиддиту кюриин туули» [Голстунский 1864].

В 1899 г. учитель Найман Бадмаев составил «Сборник калмыцких сказок» на русском языке, в него вошли 27 текстов, к сожалеению, комментарии, примечания и сведения о текстах отсутствуют [СКС 1899].

В начале XX в. Г. И. Рамстедт посетил калмыцкие степи с целью исследования калмыцкого языка и фольклора. В 1909 и 1919 гг. им были опубликованы тексты калмыцких народных сказок в фонетической транскрипции и в переводе на немецкий язык. Тексты даны без названий, под номерами [Рамстедт 1909; 1919].

В 1909–1911 гг. Н. Очировым, студентом Санкт-Петербургского университета, были записаны образцы калмыцкого фольклора, в том числе и бытовые сказки [Очиров 2006].

Калмыцкие сказки были записаны проф. В. Л. Котвичем, в 1968 г. директором Калмыцкого НИИЯЛИ (ныне — КалмНЦ РАН) И. К. Илишкиным были сделаны фотоко-

пии записей этих сказок [НА КалмНЦ РАН. Ф. 8. Оп. 1. Ед. хр. 73–83].

Образцы фольклора донских калмыков были записаны И. И. Поповым, так как он много лет жил среди них и поэтому свободно владел калмыцким языком. Некоторые сказки из его коллекции были изданы в 1938 г. на русском языке в литературной обработке Б. В. Лунина, часть сказок вошла в 1-й том сборника «Хальмг туульс» («Калмыцкие сказки»).

Великая Отечественная война и депортация калмыков в Сибирь явились причиной долгого перерыва в собирании, исследовании и публикации фольклора. Лишь с 1960-х гг. возобновилась работа по его сбору и изучению, именно в этот период были организованы фольклорные экспедиции, материалы которых хранятся в Научном архиве (далее — НА) КалмНЦ РАН. Сотрудниками Калмыцкого НИИЯЛИ были записаны репертуары сказочников С. Бутаева, С. Манджикова, Ц. Джаргаевой, Ч. Комаева, М. Буринова. Сказочный материал фольклорных экспедиций опубликован в 4-х томах сборника «Хальмг туульс» (далее — ХТ).

Поскольку публикуемая статья представляет общую картину художественного мира бытовых сказок, останавливать внимание на истории собирания и изучения сказок здесь нет необходимости. Отметим лишь, что к настоящему времени накоплен богатый материал по сказочному творчеству калмыков, часть которого опубликована в различных изданиях, другая часть хранится в Фонограммархиве (далее — ФА) и НА КалмНЦ РАН.

Термин «бытовые» распространен в отечественной фольклористике и объединяет по идейно-художественным особенностям новеллистические (авантюрные) и сатирические (анекдотические) сказки. Однако не всегда возможно строгое разделение, так как «есть сказки переходного типа от волшебных к новеллистическим, от новеллистических к анекдотическим и наоборот; есть переходные жанровые формы от легенды к сказке, от былички к сказке; есть сказки, унаследовавшие мотивы и стиль исторических преданий; есть сказки-притчи и сказки-небылицы» [Соболева, Каргаполов 1993: 15].

Во всем многообразии сюжетного арсенала русских бытовых сказок В. Я. Пропп выделил следующие тематические группы: 1) сказки переходного типа от волшебных к новеллистическим; 2) о мудрых девуш-

ках; 3) об испытании жен; 4) о ловких и удачливых отгадчиках; 5) о ловких ворах; 6) о разбойниках; 7) о хозяине и работнике; 8) о попах; 9) о глупцах; 10) о злых женах; 11) о шутах; 12) сказки литературного происхождения; 13) моралистические сказки [Пропп 1984: 253–291].

Учитывая классификации сказок, предложенные исследователями-сказковедами, калмыцкие бытовые сказки можно условно разделить на следующие сюжетно-тематические группы: 1) о мудрых людях; 2) о ловком воре; 3) о хозяине и работнике; 4) о хитрецах; 5) о глупцах; 6) о священнослужителях; 7) о плутах; 8) о женах; 9) о ловких отгадчиках; 10) сказки переходного типа от волшебных к новеллистическим (см. [Надбитова 2016]).

По мнению ученых, «новеллистическая сказка как сложная повествовательная структура (одно- или многоэпизодная) „располагает к наполнению ее сказочной схемы жизненным содержанием. Однако при этом ее занимательность и привлекательность состоят в том, что в ней сохраняется свобода сказочного вымысла, имеющего здесь совершенно особый характер, — все романтические приключения и авантюры героев совершаются в пределах земного пространства и времени» [Соболева, Каргаполов 1993: 19].

В бытовых сказках основным является их смеховое (юмористическое) наполнение: краткость и занимательность сюжетов, изображение в смешном виде отрицательных явлений и персонажей, комические проделки героев — простых выходцев из народа, носителей высоких моральных качеств.

Художественное пространство бытовых сказок вполне реалистично: действие происходит *нег хотнд* ‘в одном хотоне’, *нег нутгт* ‘в одном нутуке’, т. е. в обстановке, привычной для слушателя и исполнителя. И художественное время также более приближено к реальному, но в то же время условно, так как отсутствуют четкие сведения о том, в каком году и на протяжении какого времени происходили события, повествование о которых идет в сказке.

Среди бытовых сказок имеются сюжеты с ярко выраженным назидательным значением, целью их является «доказать справедливость какой-либо кратко сформулированной этической нормы путем развертывания эпизода, художественно убедительно подтверждающего эту норму» [Соболева, Каргаполов 1993: 17]. Примером служит сказка

«Көгшдэн хайчкад нүүсн хан» (981 «Почему перестали убивать стариков») из репертуара Санджи Манджикова [ХТ 1968: 62–63]. Общая сюжетная линия: вопреки приказанию убивать стариков один сын прячет старика-отца в погреб; во время голода старик выручает сына советами, с тех пор стариков перестают убивать. В калмыцкой сказке имеются различия в деталях: во время сильной засухи люди не могут найти родники; по совету пожилого отца отпускают корову-четырёхлетку, находят воду. Идейное содержание таких сказок — утверждение этических идеалов, почитание жизненного опыта и народной мудрости.

В калмыцком фольклоре одно из важных мест занимают сказки, основным композиционным приемом которых являются загадки и мудрые ответы, в которых отражены различные элементы исторического и духовного опыта народа. Главную роль в таких сказках играет диалог, являющийся средством обмена иносказаний, способом противопоставления персонажей. Так, в вариантах сказок на сюжет 875 «Семилетка» конфликт строится на загадывании ханом загадок и отгадывании их мудрой девушкой. В сказке «Хойр өргэллһн» («Две женитьбы») хан узнает о находчивости и мудрости девушки, женится на ней. Далее ханша помогает хозяину кобылы в решении спора, и тогда хан, разгневавшись на супругу, прогоняет ее, позволяя взять то, что она пожелает. Ханша устраивает пир и ночью забирает с собой сонного правителя. Хан повторно женится на ней [ХТ 1961: 111–113].

Исследуемый материал подтверждает, что главные персонажи в калмыцких бытовых сказках о загадывании и мудрых ответах в различных ситуациях, на протяжении всей сюжетной линии, выдерживают испытание загадкой, что является важным составляющим элементом по отношению к художественной структуре и идейному замыслу сказки.

В сравнении с другими видами сказочного жанра бытовые сказки являются более поздними образованиями, и несомненно, что волшебная сказка оказала влияние на происхождение некоторых сюжетов, мотивов и образов бытовых сказок. Пример тому — сказки на сюжетные типы 875 «Семилетка», 921 «Умная невеста».

В характеристике некоторых комических персонажей прослеживаются элементы этнической специфики, к примеру, *Кер*

һалзн хуцта Кеедэ өвгн «Старик Кедя с бараном, у которого белое пятно на лбу», *Тавн сахлта нег тө өвгн* «Старик ростом в пядь, с бородой в пять пядей». Сюжеты с их участием отличаются нелепыми ситуациями и приключениями.

В сказочном фонде калмыков имеются тексты, повествующие о женской хитрости, ловкости, умению выйти из любого положения. Примером является сказка «Заһсч» («Рыбак»): муж приносит рыбу, жена советует пригласить гелюнга. Когда муж отправляется за ним, жена съедает всю рыбу. Муж точит нож, жена шепчет гелюнгу, что ему собираются отрезать уши. Священнослужитель убегает, жена говорит мужу, что украли их рыбу. Муж гонится за гелюнгом, жена остается [ХТ 1961: 42].

Ирония и сарказм достигают наибольшей выразительности в сказках о глупцах, где главный герой буквально выполняет просьбы и советы, совершает все слишком поздно и невпопад. В фольклоре разных народов, в том числе и калмыцком, имеется большое количество вариантов сказок о дураках и глупцах. По мнению В. Я. Проппа, «это происходит не потому, что в жизни много дураков и что народ хочет их высмеять. Это объясняется тем, что очевидная или разоблачаемая глупость вызывает здоровый и доставляющий удовольствие смех. Этот смех бичует глупцов, но мнение некоторых исследователей, будто эти сказки имеют сознательную сатирическую направленность и преследуют цель активной борьбы с глупостью, нельзя признать правильным» [Пропп 1976: 88].

В сказках глупцы не имеют определенного возраста и социального положения. В них пародийно изображается гостеприимство героя (приглашает в дом волков, те съедают его), позднее понимание слов (приносит топор в шапке, туго затягивает веревку на шее щенка).

Среди бытовых сказок особую группу составляют сюжеты цикла сказок о ловких ворах, где герой обворовывает нойона или даже хана (1525 А «Ловкий вор»), основанные на принципе одурачивания. По словам В. Я. Проппа, «сказочный вор отнюдь не изображается как уголовник. Это веселый артист своего дела» [Пропп 1976: 80]. Тема воровства смягчается комическим изображением проделок главного персонажа: он все совершает весело и с юмором, играя на глупости и самоуверенности тех, кого он

дурачит. Воровство превращается в некий спор, к примеру, в сказке «Хулхач» ('Вор') отец жалеет о том, что его 17-летний сын не может превзойти его в воровстве, на что сын предлагает проверить на деле: когда отец взбирается на дерево и крадет из-под вороны яйцо, сын поднимается следом за ним и незаметно вытаскивает из сапог подметки. Отец плачет от радости и отправляет сына в путь. Далее сын-вор крадет у встретившегося прохожего одежду и скот, у хана — золото, у ханской дочери — золотые четки и кольцо [ХТ 1972: 221–225].

Очень красочно и выразительно передано описание воровства, когда вор выдает себя за другого, к примеру, переодевается в ханскую одежду и выдает себя за хана, протягивает руку мертвеца и сбегает с места преступления и т. д. «Возможность осуществления воровских намерений этим преимущественно сказочным способом основывается на наивности и недогадливости или прямой глупости обворовываемых, т. е. чертах, которые допускаются в этих случаях как элемент необычный, присущий особому поэтическому миру сказки с ее установкой на небывалость и невозможность рассказываемого» [Юдин 2006: 56].

В калмыцком устном народном творчестве распространены и широко известные в мировом фольклоре сюжеты о ловких (случайных) отгадчиках. Один из таких — 1641 «Знахарь» представлен сказкой «Һахан толһа белгч» ('Знахарь со свиной головой'). Краткое содержание: старик не выходит из дома; старуха прячет масло в брюхе, предлагает прогуляться; он находит масло. Ободренный находкой, отправляется на охоту, загоняет лису в нору с двумя отверстиями. Шапкой старик закрывает один выход, сам раскапывает второй. Далее лиса выскакивает из норы в шапку старика, собака и лошадь бегут вслед за лисой. Оставшись без лошади, старик боится возвращаться домой. Идет к ханскому двору, видит потерянное кольцо дочери хана. Старик представляется гадателем на свиной голове, в качестве вознаграждения просит скребок и рукавицы для держания котла. В другой раз он находит украденных лошадей хана. Воры слышат, как он говорит: «Хату, хату, хатурад яһнач, жөөлн-жөөлн жөөлрэд яһнач?» 'Твердое-твердое, что будешь делать, затвердев, мягкое-мягкое, что будешь делать, размягчившись?'. Воров зовут Хату ('Твердое') и Жөөлн ('Мягкое'). Они просят старика не выдавать их, взамен

указывают местонахождение ханских лошадей. В награду у хана лжезнахарь просит шубу и шапку. В третий раз лжезнахарь подслушивает разговор ханши и сивого быка. Он изгоняет и сжигает шулмусов (*якц шулмус*), вредивших здоровью хана. В награду получает собаку и жеребца. После просьбы старухи о хорошем подарке, хан повелевает привезти старика во дворец и оставляет жить у себя [ХТ 1972: 203–207].

Еще одна группа сказок — сказки о плутах (1539 «Шут»; 1537 «Мертвое тело» (как эпизод)), где главным героем является ловкий хитрец и обманщик, и роль его «заключается в том, чтобы совершать фантастически остроумные проделки, вызывающие злой, уничтожающий, злорадный смех над обманутыми. Шутовские козни носят беспощадно жестокий характер. Эта жестокость (убийство, избиения, выставление на всеобщий позор, обман и пр.) обычно бывает вызвана презрением к глупости, корыстолюбию, богатству или стремлением отомстить своим недоброжелателям и завистникам» [Юдин 2006: 72]. В сказке «Долан хоһр нег тужһр» ('Семь лысых, один коротковолосый') герой обманом получает семь верблюдов. Семеро лысых забивают своих телят, чтобы тоже получить верблюдов. Понимая, что их обманули, решают убить Коротковолосого. Ночью он ложится на место матери, те убивают ее. На следующий день герой погружает тело матери в ящик и отправляется в путь. Далее следует цепь проделок, в результате которых он получает прибыль и женится. Враги пытаются отомстить ему, но плут доводит их до разорения и гибели [Алтн чеежтэ келмрч 2010: 86–88]. По мнению В. Я. Проппа, «такие сказки для современного человека представляют некоторую загадку. Смех представляется здесь циничным и как будто бессмысленным. Но в фольклоре имеются свои законы: слушатель не относит их к действительности; это сказка, а не быль. Победитель прав уже потому, что он побеждает, и сказка нисколько не жалеет тех доверчивых глупцов, которые делаются жертвой проделок шута. Такие сказки легко приобретают характер социальной сатиры» [Пропп 1976: 81].

В структуре бытовых сказок диалог играет главную сюжетобразующую роль. Мастерство передачи диалога во многом зависит от таланта исполнителя, его актерских способностей и умения искусной передачи сатирического содержания занимательной фабулы сказок.

Художественные приемы сатирического осмеяния в сказках разнообразны: они бывают традиционными, а также могут зависеть от исполнительского мастерства того или иного сказочника. Наиболее распространенными являются следующие: ирония, гротеск, пародирование, социальная антитеза. Специфика художественного мира бытовых сказок основана на алогизме, перевернутости реальных действий и отношений и, как следствие, выражена определенными способами изображения комического с помощью пародии, контраста, антитезы, метафоры, которые служат для раскрытия типического определения героев, идейного содержания сказок.

Различным видам сказочного жанра присущ определенный стиль повествования: в бытовых сказках можем наблюдать комический, иронично-шутливый стиль, обусловленный общим содержанием, тематикой и сатирическими средствами.

Таким образом, бытовые сказки, отличительной чертой которых является ярко выраженная социальная направленность, комическое наполнение, занимают важное место в сказочном фонде калмыков. Художественные приемы сатирического обличения в сказках разнообразны. Особым средством выражения основной идеи является смех, с помощью которого передана специфика фантастики бытовых сказок. В бытовых сказках сосредоточены элементы волшебных сказок, анекдотов, преданий и легенд, а также художественно отражена история народа, социально-классовые отношения, морально-этические представления.

Список сокращений

НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра Российской академии наук.

СКС — Сборник калмыцких сказок.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов.

Восточнославянская сказка.

ХТ — Хальмг туульс.

ФА — Фонограммархив.

Источники

Алтн чеежтэ келмрч Боктан Шаня. Хранитель мудрости народной Шаня Боктаев / сост., предисл., коммент. и прилож. Б. Б. Манджиевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 172 с.

Очиров Н. О. Мөңк дееж (Живая старина) / сост., вступ. ст., коммент. Б. А. Бичеева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 398 с.

Сборник калмыцких сказок / сост. Н. Бадмаев. Астрахань, 1899. 110 с.

Хальмг туульс. Барт белдснь Саңжин Б., Саңхан Л. I боть. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1961. 220 х.

Хальмг туульс. Манжин Санжас бичж авсн Бембән Ш. II боть. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1968. 264 х.

Хальмг туульс. Нээрүлж кевлелд белдж диглснь: Н. Н. Мусова, Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. III боть. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1972. 250 х.

Хальмг туульс. Барт белдснь Б. Б. Оконов, Е. Д. Мучкинова. IV боть. Элст: Хальмг дегтр нарһач, 1974. 272 х.

Литература

Аникин В. П. Русская народная сказка. Пособие для учителей. М.: Госуд. уч.-пед. изд-во Министерства Просвещения РСФСР, 1959. 256 с.

Бардаханова С. С. Система жанров бурятского фольклора. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1992. 238 с.

Басангова Т. Г. Сюжет АА № 981 в калмыцкой бытовой сказке // Монголоведение: сб. науч. трудов. Вып. 8. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. С. 114–121.

Bergmann B. Nomadische Streifereien unter Kalmucken in den Jahren 1802 und 1803. 4 Theile. Band II. Riga, 1805. S. 247–351.

Ведерникова Н. М. Русская народная сказка. М.: Наука, 1975. 135 с.

Голстунский К. Ф. Убаши хун-тайджийн тууджи, народная калмыцкая поэма «Джангар» и Сиддиту кюриийн туули. СПб.: Литография Иконникова, 1864. 122 с.

Джимгиоров М. Э. Сатира новеллистических и бытовых сказок // О калмыцких народных сказках. Элиста, 1970. С. 66–74.

Kalmuckische Sprachproben, gesammelt und hrsg. von G. J. Ramstedt. 1 Teil. Helsingfors, 1909. 138 s.

Kalmuckische Sprachproben, gesammelt und hrsg. von G. J. Ramstedt. 2 Teil. Helsinki, 1919. 237 s.

Лепехин И. И. Дневные записи путешествия И. Лепехина по разным провинциям Российского государства (в пер.). Ч. 1. СПб.: Изд-во Имп. Академии наук, 1795. 537 с.

Мучкинова Е. Д. Хальмг туульс (к вопросу о классификации). Филологические вести. Т. 2. Научные сообщения и доклады. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. С. 108–114.

Надбитова И. С. Сюжетный состав калмыцких бытовых сказок // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. 2016. № 4. С. 168–177.

- Померанцева Э. В. Судьбы русской сказки. М.: Наука, 1965. 220 с.
- Пронн В. Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976. 183 с.
- Пронн В. Я. Русская сказка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 336 с.
- Соболева Н. В., Каргаполов Н. А. Художественный мир русской народной новелистики // Русские сказки Сибири и Дальнего Востока: легендарные и бытовые / сост. Н. В. Соболева при участии Н. А. Каргаполова. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1993. 304 с.
- Соколов Ю. М. Русский фольклор. М.: Гос. уч.-пед. изд-во, 1941. 559 с.
- Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 438 с.
- Цыбикова Б.-Х. Б. Бурятские бытовые сказки. Сюжетный состав. Поэтика. Улан-Удэ, 1993. 114 с.
- Юдин Ю. И. Дурак, шут, вор и черт (Исторические корни бытовой сказки) / сост., науч. ред., прим., библиограф. указатель В. Ф. Шевченко. М.: Лабиринт, 2006. 336 с. [электронный ресурс] // URL: www.twirpx.com (дата обращения 22.02.2017).

Sources

- Altın cheezhtä kelmrch Boktan Shanya. Khranitel' mudrosti narodnoy Shanya Boktaev / sost., predisl., komment. i prilozh. B. B. Mandzhiyev* [The holder of folk wisdom, Shanya Boktaev. Comp., foreword, comment. and suppl. by B. Mandzhiyev]. Elista, Kalmyk Institute for Humanities (RAS) Press, 2010, 172 p. (In Russ.).
- Ochirov N. O. *Möyk deejī (Zhivaya starina) / sost., vstup. st., komment. B. A. Bicheeva* [Living antiquity]. Elista, Kalm. Book Publ., 2006, 398 p. (In Russ.).
- Sbornik kalmytskikh skazok / sost. N. Badmaev* [Collection of Kalmyk fairy tales. Comp. by N. Badmaev]. Astrakhan, 1899, 110 p. (In Russ.).
- Khal'mg tuul's. Bart beldsn' Sayyjin B., Sayyan L. I bot'* [Kalmyk fairy tales. Vol. 1]. Elista, Kalm. Book Publ., 1961, 220 p. (In Kalm.).
- Khal'mg tuul's. Manjin Sanjas bichji avsn Bemban Sh. II bot'* [Kalmyk fairy tales. Vol. 2]. Elista, Kalm. Book Publ., 1968, 264 p. (In Kalm.).
- Khal'mg tuul's. Näärülji kevleld beldji digl'n': N. N. Musova, B. B. Okonov, E. D. Muchkinova. III bot'* [Kalmyk fairy tales. Vol. 3]. Elista, Kalm. Book Publ., 1972, 250 p. (In Kalm.).
- Khal'mg tuul's. Bart beldsn' B. B. Okonov, E. D. Muchkinova. IV bot'* [Kalmyk fairy tales. Vol. 4]. Elista, Kalm. Book Publ., 1974, 272 p. (In Kalm.).
- References**
- Anikin V. P. *Russkaya narodnaya skazka. Posobie dlya uchiteley* [The Russian folk tale. A guidebook for teachers]. Moscow, State Publ. House of the RSFSR Ministry of Education, 1959, 256 p. (In Russ.).
- Bardakhanova S. S. *Sistema zhanrov buryatskogo fol'klora* [The genre system of Buryat folklore]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992, 238 p. (In Russ.).
- Basangova T. G. *Syuzhet AA № 981 v kalmytskoy bytovoy skazke* [Plot AA No. 981 in the Kalmyk household fairy tale]. *Mongolovedenie: sb. nauch. trudov* (Mongol Studies: collected scholarly works), iss. 8, Elista, Kalm. Scientific Center (RAS) Press, 2016, pp. 114–121 (In Russ.).
- Bergmann B. *Nomadische Streifereien unter Kalmücken in den Jahren 1802 und 1803. 4 Theile. Band II* [Nomadic journeys with the Kalmyks in 1802 and 1803. In 4 parts. Vol. 2]. Riga, 1805, pp. 247–351 (In Germ.).
- Vedernikova N. M. *Russkaya narodnaya skazka* [The Russian fairy tale]. Moscow, Nauka Publ., 1975, 135 p. (In Russ.).
- Golstunsky K. F. *Ubashi khun-taydzhiyn tuudzhi, narodnaya kalmytskaya poema «Dzhangar» i Sidditu kyuriyin tuuli* [The story of Ubashi Hong Tayiji, Kalmyk folk epic of Jangar and fairy tales of the 'magic corpse']. St. Petersburg, 1864 (In Russ.).
- Dzhimirov M. E. *Satira novellisticheskikh i bytovykh skazok* [Satire of novelistic and household fairy tales]. *O kalmytskikh narodnykh skazkakh* [About Kalmyk folk tales]. Elista, 1970, pp. 66–74 (In Russ.).
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen* [Samples of Kalmyk speech. Collect. and edit. by G. Ramstedt. Part 1. Kalmyk fairy tales]. Helsinki, Finno-Ugric Society Press, 1909, 154 p. (In Germ.).
- Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmückische Märchen* [Samples of Kalmyk speech. Collect. and edit. by G. Ramstedt. Part 1. Kalmyk fairy tales]. Helsinki, Finno-Ugric Society Press, 1919, pp. 155–237 p. (In Germ.).
- Lepekhin I. I. *Dnevnye zapisi puteshestviya I. Lepekhina po raznym provintsiyam Rossiyskogo gosudarstva (v per.). Ch. I* [Daily records of I. Lepekhin's journey through the diverse provinces of Russia. Part 1]. St. Petersburg, Imperial Acad. of Sc. Press, 1795, 537 p. (In Russ.).
- Muchkinova E. D. *Khal'mg tuul's (k voprosu o klassifikatsii)* [Kalmyk fairy tales (revisiting the existing classification)]. *Filologicheskie*

- vesti. T. 2. *Nauchnye soobshcheniya i doklady* [Philological Bulletin. Vol. 2. Scholarly reports]. Elista, Kalm. Book Publ., 1970, pp. 108–114 (In Russ.).
- Nadbitova I. S. *Syuzhetnyy sostav kalmytskikh bytovykh skazok* [The scene composition of the Kalmyk social fairy tales]. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* (Dagestan State Pedagogical University Journal), 2016, No. 4, pp. 168–177 (In Russ.).
- Pomerantseva E. V. *Sud'by russkoy skazki* [Destinies of the Russian fairy tale]. Moscow, Nauka Publ., 1965, 220 p. (In Russ.).
- Propp V. Ya. *Problemy komizma i smekha* [Problems of the comic and laughter]. Moscow, Labirint Publ., 1999, 288 p. Available at: www.e-reading.by (accessed 22 February 2017) (In Russ.).
- Propp V. Ya. *Russkaya skazka* [The Russian fairy tale]. Leningrad, Leningrad State Univ. Press, 1984, 336 p. (In Russ.).
- Soboleva N. V., Kargapolov N. A. *Khudozhestvennyy mir russkoy narodnoy novelistiki* [The artistic world of the Russian folk novelistic prose]. *Russkie skazki Sibiri i Dal'nego Vostoka: legendarnye i bytovye / sost. N. V. Soboleva pri uchastii N. A. Kargapolova* [Russian fairy tales of Siberia and the Far East: legendary and household ones. Comp. by N. Soboleva et al.]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1993, 304 p. (In Russ.).
- Sokolov Yu. M. *Russkiy fol'klor* [Russian folklore]. Moscow, State Publ. House for Teachers and Schoolchildren, 1941, 559 p. (In Russ.).
- Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochno-slavyanskaya skazka / sost. L. G. Barag, I. P. Berezovskiy, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov* [Comparative directory of plots. The East Slavic fairy tale. Comp. by L. Barag et al.]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, 438 p. (In Russ.).
- Tsybikova B.-Kh. B. *Buryatskie bytovye skazki. Syuzhetnyy sostav. Poetika* [Buryat household fairy tales. Plot structure. Poetics]. Ulan-Ude, 1993, 114 p. (In Russ.).
- Yudin Yu. I. *Durak, shut, vor i chert (Istoricheskie korni bytovoy skazki) / sost., nauch. red., prim., bibl. ukazatel' V. F. Shevchenko* [The fool, joker, thief and devil (historical roots of household fairy tales). Comp., etc. by V. Shevchenko]. Moscow, Labirint Publ., 2006, 336 p. Available at: www.twirpx.com (accessed: 22 February 2017) (In Russ.).

УДК 39(398.21)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР КАЛМЫЦКИХ БЫТОВЫХ СКАЗОК

Ирина Сергеевна Надбитова¹

¹ кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: nad-irina@mail.ru.

Аннотация. Статья посвящена изучению художественного мира калмыцких бытовых сказок. Его специфика, как правило, основана на алогизме и выражена определенными художественно-изобразительными средствами изображения комического, которые служат для раскрытия типического определения героев, идейного содержания сказок.

Дифференцирующими признаками рассматриваемого материала являются краткость повествования и ярко выраженная социальная направленность. Художественные приемы сатирического обличения в сказках разнообразны: ирония, контраст, преувеличение, антитеза. Особым средством выражения основной идеи является смех, с помощью которого передана специфика фантастики бытовых сказок, основанная порой на изображении необычайных ситуаций и явлений. В исследуемых сказках сосредоточены элементы волшебных сказок, анекдотов, преданий и легенд, а также художественно отражена история народа, в частности, этнолокальные особенности хозяйственных условий, образа жизни и быта людей.

Ключевые слова: калмыки, бытовые сказки, сюжет, сказочная традиция, смех, алогизм, композиция, художественный мир.